

УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НАД А. Н.
РАДИЩЕВЫМ****Упоров Иван Владимирович,**

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

Годы правления императрицы Екатерины II в российской истории обычно ассоциируются с эпохой просвещения. В определенной степени так и есть, достаточно указать, например, на появление института городского самоуправления, написанный ею известный «Наказ уложенной комиссии», в котором содержалось немало суждения либерального толка, можно указать и на активную переписку Екатерины II с известными европейскими мыслителями (Вольтер, д'Аламбер, Дидро и др.). Однако наряду с это «светлой» стороной правления Екатерины II, есть и «темные» (и каких больше – дискуссионный вопрос), которые вытекают из функционировавшего тогда абсолютистского режима публично-властных отношений (абсолютная монархия). К числу последних относится преследование лиц, которые в своих публикациях критиковали существующее общественно-политическое и социально-экономическое положение в России. Ярким примером являлись репрессивные меры в отношении А.Н. Радищева за его известную книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». И хотя в этом «Путешествии», по жанру больше похожее на путевые наблюдения и размышления, не было никакой прямой критики против действующей власти, императрица нашла, что автора как преступника следует предать суду, причем она заранее определила его виновность, соответственно суд стал лишь формальностью, приговорив Радищева к смертной казни (заменой позже ссылкой). В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты организации и проведения этого суда.

Ключевые слова: Российская империя, Радищев, Екатерина II, эпоха просвещения, суд, государство, приговор, власть.

**FEATURES OF THE CRIMINAL-POLITICAL PROCEEDINGS OF A. N.
RADISHCHEV****Uporov I. V.,**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

The years of the reign of Empress Catherine II in Russian history are usually associated with the Age of Enlightenment. To a certain extent, this is true, it is enough to point out, for example, the emergence of the institution of municipal self-government, the famous "Instruction of the Legislative Commission" written by her, which contained many liberal judgments, one can also point to the active correspondence of Catherine II with famous European thinkers (Voltaire, d'Alembert, Diderot, etc.). However, along with this "bright" side of the reign of Catherine II, there are also "dark" (and which ones are more numerous is a debatable issue), which follow from the absolutist regime of public-power relations that was functioning at that time (absolute monarchy). The latter included the persecution of individuals who criticized the existing socio-political and socio-economic situation in Russia in their publications. A striking example was the repressive measures against A.N. Radishchev for his famous book "Journey from St. Petersburg to Moscow". And although this "Journey", more like a travel observation and reflection, did not contain any direct criticism of the current government, the empress found that the author, as a criminal, should be tried, and she had already determined his guilt, so the trial became only a formality, sentencing Radishchev to death (later replaced by exile). The article examines the organizational and legal aspects of organizing and conducting this trial.

Keywords: Russian Empire, Radishchev, Catherine II, the Age of Enlightenment, court, state, sentence, power.

Появление книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» стало для императрицы Екатерины II, позиционировавшей себя как европейского просветителя [1], сильнейшим раздражителем. Внимательнейшим образом проштудировав книгу, она сделала множество замечаний, которые позже станут основой для оценки этого деяния (издание книги) как преступления против государства. Более того, императрица лично контролировала весь ход следствия и суда, которые, будучи подчинены главе государства, исполняли ее волю. Следует заметить, что творчеству и жизни Радищева посвящено немало работ, в том числе касающихся его преследования, среди которых следует выделить, имея в виду заявленную тему, труды советского историка Д.С. Бабкина (Процесс Радищева, 1952 г.), нашего современника И.Я. Эльмурзаева (Инакомыслие в период правления Екатерины II и деятельность органов государственной власти по его подавлению: историко-правовое исследование, 2010 г.) и других, которые используем в статье. Вместе с тем в данной статье освещены ряд вопросов, на которых ранее не акцентировалось внимания.

Прежде всего следует отметить, что о книге Радищева Екатерине II стало известно в июне 1790 г. Практически сразу она предписала поручение графу А.А. Безбородко поручить другому графу А.Р. Воронцову «учинить расспрос» Радищева, пока еще в частном порядке, то есть, не официально, в том числе она требовала задать следующий вопрос: «была ли книга представлена на цензуру Управы благочиния?» [2, с. 200]. Дело в том, что граф Воронцов и Радищев находились в хороших отношениях, и, очевидно, был расчет на то, что Радищев не будет скрывать деталей издания этой книги. Однако, вероятно, внимательно изучив содержание «Путешествия» и обнаружив его антигосударственность, императрица отменила свое неофициальное поручение и приказал начать полноценное «государственное дело». Чтобы на предварительном следствии и затем на суде не было неясностей по поводу того, как нужно расценивать действия Радищева, Екатерина представила свои замечания на книгу Радищева со множеством замечаний, которые, по сути, имели роль как указание следователям и суду по поводу «нужной» политико-правой оценки этого дела.

В частности, императрица недоумевает в связи с тем, как такая книга могла пройти через цензуру, если в ней налицо противовластные сентенции: «Книга печатана в 1790 без подписи и без видимого дозволения в начале; но в конце сказано: с дозволения Управы благочиния. Сие, вероятно, ложь, либо оплошность. Намерение сей книги на каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражен французскими заблуждениями, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование против начальников и начальств» [3, л.20]. Такого рода замечания императрица делала необыкновенно тщательно, цитируя и указывая соответствующие страницы книги. Например, она отмечает, что страницы 268-277 «написаны для приведения в омерзении помещиков тех, кои пашны отымают у крестьян: сочинитель их казнит, тут же достается и правления. 278 ... 288 - о уничтожении придворных чинов; тут царем достается крупно и кончится сими словами: како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу. Сие думать можно, что целит на французской развратный пример. Сие тем более вероятно становится, что сочинитель везде ищет случай придраться к царю и власти ... с 350 до 369 содержит, по случию будто стихотворчеству, ода, совершено и явно и ясьно бунтовской, где царям грозитя плахою. Кромелев пример приведен с похвалою. Сии страницы суть криминального намерения, совершено бунтовские» [3, л. 21-22]. Как видно, политическая позиция Екатерины II предельно ясная.

Но она этим не ограничивается. Ей, вероятно, кажется, что автор книги, то есть, сам Радищев, «себя определил быть начальником, книгою ли или инако изторгнуть скипетр из рук царей». И, не откладывая в долгий ящик, в конце своих замечаний Екатерина II дает первые инструкции Тайной экспедиции: «...но как сие исполнить один не мог, показывается уже следы, что несколько сообщников имел; то надлежит ево допросить, как о сем, так и о подлинном намерении, и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правда любит, как дело было; доказательство и дело ево зделается дурнее прежнего» [3, л. 23].

И далее довольно четко заработал репрессивный механизм. Уже 30 июня 1790 г. главнокомандующий Санкт-Петербурга граф Я. А. Брюс подписывает ордер на заключение А.Н. Радищева в Петропавловскую крепость и проведение следствия, адресованный обер-коменданту генерал-майору Чернышову, и последний развернул активную деятельность. Не далее, как на следующий день, 1 июля, Радищеву были предложены первые вопросные пункты, общеустановочного характера с акцентом на духовные отношения («Где вы жили в приходе и у которой церкви», «Кто у вас и семьи вашей отец духовный», «Когда вы и семья ваша были у исповеди и святого причастия» и др.). В первоначальных показаниях Радищев едва ли не с первых же строк предается покаянию и самобичеванию. Так, он пишет: «Принося повинную и прося помилования у престола милосердия Ея императорского величества, я постараюсь здесь объяснить ... что сердце мое чисто было, что злаго не имел намерения, издавая сию пагубную для меня книгу, есть ли только можно верить преступнику, то говорю истину» [4, с. 167] (здесь и далее показания Радищева и другие документы по этому делу цитируются по книге Д.С. Бабкина). Говоря о причинах, подвигнувших его к написанию книги, он отмечает: «Дерзновенные выражения и неприличной смелости почерпнул я, читая разных писателей, и ни с каким другим намерением, как чтобы прослыть хорошим писателем. Да и само издание книги ни к чему другому стремилось, как быть известну между авторами, и из продажи книг приобрести себе прибыль» [4, с. 167].

Эти доводы станут для Радищева основными, он будет их повторять на протяжении всех допросов, добавляя в подтверждение определенные подробности. В показаниях от 6 июля Радищев вынужден отвечать на деликатный вопрос о цензуре. Дело в том, что, как

отмечалось выше, формальное согласие от Управы благочиния, выполнявшей функции цензора, он получил. Так, председатель Управы благочиния Санкт-Петербурга обер-полицмейстер Н. Рылеев сделал следующую резолюцию: «Печатать позволено 25 сентября 1789 года. Никита Рылеев». Вместе с тем, по мнению А.С. Бабкина, Рылеев не читал книги Радищева, и резолюцию, вероятно, поставил, исходя из сравнительно хорошей репутации Радищева (хотя здесь есть разные точки зрения о том, знал ли Рылеев авторство – Радищев, посылая помощника с книгой к цензору, просил не называть автора, однако, на наш взгляд, вряд ли главный полицейский российской столицы написал указанную резолюцию «вслепую», то есть, не зная автора и не читая книгу).

Боле того, было выяснено, что Радищев и после такого разрешения вносил изменения и дополнения в книгу, и тем самым имело место прямое нарушение действующих правил. Этот было, конечно, слабым местом в самозащите Радищева. Он написал следующее: «Если я писал против цензуры, то думал, что творю доброе, думал, что она не нужна, и если не будет существовать, то обязанный всяк сам ответственность, на цензуру полагаться не будет» [4, с. 170]. Далее Радищев дает пояснение по поводу того, что книга подвигает на бунт: «Если кто скажет, что я, писав сию книгу, хотел сделать возмущение, тому скажу, что ошибается, первое и потому, что народ наш книг не читает, что писана она слогом, для простаго народа невнятным, что и напечатано ее очень мало, не целое издание или завод, а только половина» [4, с. 170]. Затем он в выбранном им стиле объясняет, что заниматься «возмущением» ему, собственно, и некогда было – все время уходило на службу (в таможене), «собирая определенный ея императорским величеством таможенный сбор», а редкие минуты отдыха проводил со своим семейством. Между тем к 13 июля 1790 г., судя по всему, следствие было закончено.

Однако какого-либо заключения в итоге сделано не было. Вместо этого был подписан указ Екатерины II, обращенный Петербургскому главнокомандующему Я.А. Брюсу, в котором, в частности, указывалось: «Недавно издана здесь книга, под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтоб призвать в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными изречениями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы благочиния взнес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате уголовного суда С.-Петербургской губернии, где заключа приговор, взнести оный в Сенат наш» [4, с. 196]. В этом же документе императрица распорядилась наблюдать, чтобы книга Радищева нигде в продаже не была – «под наказанием, преступлению сему соразмерным».

Обращает на себя внимание, что императрица лично принимает важное процессуальное решение. Отмеченный указ, как нам представляется, можно расценивать как краткое обвинительное заключение. И более того, для суда это екатерининское предписание являлось обязательным, поскольку верховная власть дала однозначную оценку содеянному Радищевым. И в этом смысле данное заключение приобретает черты приговора – но без меры наказания. И, таким образом, Палате уголовного суда, сформированной по личному усмотрению Екатерины II, оставалось не столько судить, сколько определить лишь меру наказания (впрочем, и здесь вероятность смертной казни была очевидной), и надлежащим образом юридически оформить это. Но чтоб и здесь облегчить задачу суда, граф А.А. Безбородко на имя того же Я.А. Брюса, и – с большой долей вероятности – по указанию Екатерины II направляет записку с инструкцией о том, как

именно нужно суду действовать в данной ситуации. При этом в записке жестко указывалось, что должен быть соблюден именно этот порядок («не может быть иной»).

В частности, суду следовало «призвать» Радищева и задать ему следующие четыре вопроса: «1) Он ли сочинитель книги? 2) В каком намерении сочинил ее? 3) Кто его сообщники? 4) Чувствует ли он важность своего преступления?» [4, с. 196]. Этого, по мнению Безбородко (читай: Екатерины II) должно было быть достаточно для того, чтобы «положить свой приговор, на точных словах законов основанный». Сообщалось также, что материалы предварительного следствия в суд направлены не будут. Это решение представляется на первый взгляд странным – ведь суду в этом случае предстояло начать новое исследование, но на каком основании? Основание одно – указ Екатерины II, где, как отмечалось, все точки были уже расставлены, и в этом смысле суд был, конечно, по своей сути показушным, поскольку он не решал вопрос о виновности или невиновности. Палата уголовного суда действительно начала свое следствие с нуля. Радищев вновь повторил сказанное ранее на предварительном следствии. Его словам суд не поверил и принял определение «о священническом увещании А.Н. Радищева». Увещание происходило в присутствии суда, при этом «онаго Радищева увещевал церкви Вознесения господня священник Матвей Иванов 1790 году июля 19 числа» [4, с. 216]. Радищев и здесь повторил сказанное ранее. Помимо Радищева суд «призвал» и выслушал еще двух участников: таможенного надзирателя А. Царевского (помощника Радищева) и наборщика Е. Богомолова. Показания остальных рассматривались в письменном виде (показания давались в Губернском правлении и Управе благочиния, где были записаны и затем доставлены в Палату уголовного суда).

При этом суд акцент делал на том, где, сколько экземпляров было напечатано, кому переданы и где еще могут находиться на руках, а также о том, при каких обстоятельствах Радищев мог вносить коррективы в текст книги. Ни одному фигуранту дела, за исключением Радищева, ни одного вопроса, связанного с содержанием книги «Путешествие из Петербурга в Москву», задано не было. Следующим шагом Палаты уголовного суда стал поиск законодательных норм, на основании которых следовало выносить приговор Радищеву. В этом отношении была проведена, бесспорно, большая работа – достаточно сказать, что выписки составили ни много ни мало 10 страниц современного книжного текста при мелком шрифте из таких актов, как Соборное уложение, Морской устав, Артикул воинский, Устав благочиния и др. С чисто юридической стороны здесь был, на наш взгляд, явный перебор. Но, видно, настолько инакомыслие напугало абсолютистскую власть, что последняя решила не экономить юридического материала для обвинения Радищева.

Между тем анализ материалов дела Палаты уголовного суда показывает одну примечательную деталь. Ранее мы указывали на то, что на предварительном следствии никому, кроме Радищева, не задавали вопросов по содержанию книги. Палата уголовного суда, как также отмечалось, акцент в своем расследовании сделала на поиске оставшихся в обороте экземпляров книги и сообщников. Возникает вопрос: на основании чего Палата уголовного суда сделала вывод о криминальном характере содержания самой книги, если об этом не было обсуждения? Да, Радищев признал формально свою вину. Но это признание носило общий характер: на упомянутый выше вопрос («Чувствуете ли вы важность своего преступления») был дан ответ: «Чувствую во внутренности моей души, что книга моя дерзновенна и приношу в том мою повинность». Но такого расплывчатого признания явно недостаточно для осуждения по нескольким десяткам статей, добрая четверть которых предусматривает смертную казнь. Конкретики-то нет, не вменено ни одного эпизода, ни одного фрагмента из книги, которые считались бы преступными, не говоря уже об обосновании этих фрагментов – в чем именно они опасны для власти, для

государства, для общественного спокойствия и т.д. И тем более Радищев прямо заявлял, что не имел преступных намерений – это его утверждение следовало опровергнуть, но этого сделано не было. Ответ мы находим в отмеченном выше указе Екатерины II о предании Радищева суду Палаты уголовного суда от 13 июля 1790 г., который, как мы его оценили, можно расценивать как краткое обвинительное заключение. Как нам представляется, такой ход был сделан не случайно. Например, в отношении другого инакомыслящего времен императрицы Новикова обвинения были конкретными, и предъявлялись по эпизодам, как и должно было быть. То же касается Пугачева и его сподвижников.

Здесь же, в приговоре Палаты уголовного суда от 24 июля 1790 г. [4, с. 237-245], по которому Радищев приговорен к смертной казни (от телесных наказаний он освобождался как «благородный»), содержание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» вообще никак не раскрывается, и о том, что эта книга «противу сана и власти царской» видно опять же только из указа Екатерины II, который, как отмечается в литературе, практически полностью включен в текст приговора. Мы полагаем, что Екатерина II решила так поступить по той причине, что ей не хотелось в принципе выносить на публичное обсуждение негативные факты российской действительности, описанные Радищевым в очень резкой форме и с явным намеком на ответственность за них самой императрицы, то есть могло получиться, волей-неволей, обсуждение политического строя – насколько он справедлив и т.д. Она не могла не понимать, что случись такое обсуждение, резонанс с неизбежностью был бы серьезным, а вместе с ним могли появиться предпосылки расшатывания политических устоев.

Поэтому приговор Палатой уголовного суда был предопределен – смертная казнь. Это решение затем Сенатом было изменено, и казнь была заменена ссылкой. Екатерина II санкционировала такое наказание. После смерти Екатерины II Радищев был возвращен из ссылки, позже ему вернули дворянский титул. Александр I привлекал его к законопроектной деятельности, и здесь он, оставаясь верным своим убеждениям, предлагал демократические подходы, в том числе о равенстве всех перед законом, писал на этот счет трактаты, но поддержки не получил. О Радищеве как передовом мыслителе своего времени написано немало трудов, том числе в последние годы [5; 6; 7 и др.]. И нет сомнений в том, что жизнь и творчество Радищева могут расцениваться как истоки развития в России гражданского общества, когда неравнодушные к своему Отечеству люди предпринимают смелые попытки сделать жизнь в своей стране более справедливой.

Список литературы:

1. Мартъянова А.Ю. Личность Екатерины II в трудах современников // Вестник науки. 2023. № 7. С. 179-183.
2. Письмо А.А. Безбородки А.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Т. III. М., 1879.
3. Замечания Екатерины II на книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» // РГАДА. Разряд 7. № 2760/1. Л. 20-26.
4. Бабкин Д.С. Процесс Радищева. М.: АН СССР, 1952.
5. Азмедва С.С. Политические взгляды д.и. фонвизина и А.Н. Радищева: компаративистский социально-философский анализ // Гуманитарный вестник. 2023. № 2. С. 2-17.
6. Доронина А. А. Антропология А. Н. Радищева в социально-политической перспективе // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 128-139.

7. Максимов В. А. Сочинения А. Н. Радищева: этюд экономико-антропологической интерпретации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 384-395.

References:

1. Martyanova A.Yu. The personality of Catherine II in the works of contemporaries // Bulletin of Science. 2023. No. 7. pp. 179-183.
2. Letter from A.A. Bezborodki A.R. Vorontsov // Archive of Prince Vorontsov. Т. III. М., 1879. 3. Catherine II's comments on the book by A.N. Radishchev "Journey from St. Petersburg to Moscow" // RGADA. Rank 7. No. 2760/1. L. 20-26.
3. Babkin D.S. Radishchev's trial. М.: USSR Academy of Sciences, 1952. 5. Azmedva S.S. Political views d.i. Fonvizin and A.N. Radishchev: comparative socio-philosophical analysis // Humanitarian Bulletin. 2023. No. 2. P. 2-17.
4. Doronina A. A. Anthropology of A. N. Radishchev in socio-political perspective // Philosophical letters. Russian-European dialogue. 2023. Vol. 6, No. 4. P. 128-139.
5. Maksimov V. A. Works of A. N. Radishchev: a study in economic and anthropological interpretation // News of the Saratov University. New series. Series: Economy. Management. Law. 2022. Vol. 22, issue 4. P. 384-395.